

ББК 87.22

Л. И. Кришевская

Одесский национальный политехнический университет

СЬЮЗЕН ЛАНГЕР О СИМВОЛЕ КАК ОСНОВЕ ПОЗНАНИЯ

Излагается концепция символа Сьюзен Лангер, исследуемая ею в работе «Философия в новом ключе» (*Philosophy in a New Key*). Акцентируется символическая природа мышления и возможность рассматривать область художественного творчества как органичную часть процесса познания мира.

Ключевые слова: символ, символическое мышление.

Викладається концепція символу Сьюзен Лангер, досліджена нею в роботі «Філософія у новому ключі» (*Philosophy in a New Key*). Акцентується символічна природа мислення та можливість аналізу художньої діяльності як частини процесу пізнання миру.

Ключові слова: символ, символічне мислення.

The article tells us about the concept of the symbol of Susanne Langer, which she has studied in her work "Philosophy in a New Key". Symbolic nature of mental processes and the possibility to consider the field of fine arts, as the organic part of the process of world cognition, are emphasized.

Keywords: symbol, symbolichinking.

Одна из основных установок, которую в своей «Философии в новом ключе» тематизирует Сьюзен Лангер, касается природы человеческого мышления, результатом или продуктом которого является символ. Последовательно анализируя генетическую гипотезу формирования языка на основе использования знаков и символов, она ставит под сомнение господствующее утверждение становления символа из преимущественного использования знаков. А результаты ее анализов и рассуждений убедительно приводят к сдвигу, не противоположному утверждению, к главному тезису ее исследования: природа человеческого мышления символична, а символизация, как основополагающий акт умственного усилия, предшествует мыслительному процессу. Поскольку вышеизложенные моменты работают и в теории познания, представляется целесообразным рассмотреть природу символа, в том его аспекте, который мы находим в исследовании Лангер. Собственно, это и является целью данной статьи.

Понимание природы мышления как символической, как говорит сама Лангер, способно вызвать, «пересмотр инвентарного списка человеческих потребностей» [4, с. 39]. Не только область гуманитарного знания, но и вся широкая сфера художественной деятельности человека, все формы искусства и возможные формы «метафорической»

деятельности, при принятии такой позиции логично включаются в круг исследований бытийственных вопросов духа.

Общее направление мысли Сьюзен Лангер обусловлено импульсом, близким к исходному тезису ее выдающегося учителя. Начальный вопрос, лежащий в основе исследований символических форм Кассирера, был связан с необходимостью, всесторонне, по его выражению, «критически-познавательно» рассмотреть и по возможности определить понятие «репрезентации», которое в данном контексте понимается как «представление одного содержания в другом и через посредство другого» [3, с. 40]. Эта тема неизбежно приводит его к проблеме знака. Анализируя формирование знака, как некоего унифицированного результата особого взаимодействия фактичности (не зависимо от характера ее проявления) и сознания, Кассирер, уже с самого начала получает основание рассматривать множество форм человеческой деятельности и выражения как разнообразие форм проявлений (или само-проявлений) духа, возражая тем самым традиционному разделению на сферу чувственного и мыслимого [3, с. 40].

Разделяя мысль Кассирера о целостном единстве бытийственного смысла, Лангер в качестве объединяющего начала, лежащего в основе восприятия и организации мира, усматривает не знак, но символ. Его определяющая функция обусловлена самой природой мышления человека, которую Лангер обозначает как символизацию. Символизация, как имманентная характеристика мышления, является существенным актом ума, фундаментальным и постоянным его процессом; «продуктом» символизации как раз и есть символы, понимаемые Лангер как запечатленные в сознании результаты восприятия «материала, обеспеченного чувством» [4, с. 42]. Акт символизации предшествует всякому мыслительному процессу, и в этом смысле Лангер говорит о нем, как о процессе «домыслительном»: «Она (символизация) – начальная точка всей деятельности разума в человеческом смысле и явление более общее, чем мышление, фантазирование или воспринимающее действие» [4, с. 42].

Символический характер мышления является предпосылкой того различия, которое выявляется в природе символа и знака. Суть знака заключается в непосредственном представлении объекта, в соотношении с которым он составляет пару. Знак выступает как симптом соответствующего ему явления, не оставляя «пространства» для развернутой, многоуровневой интерпретации: «Знак указывает на существование – в прошлом, настоящем или будущем – вещи, события или условия»; и дальше: «Он симптом состояния дел» [4, с. 54].

В отличие от знака, символ, не представляет объект, а является носителем определенной концепции о нем. Символы «подразумевают» не предметы, а понятия. И поскольку отношение к понятию является типичным процессом мышления, именно это качество символов,

¹ «Знаки объявляют ему (субъекту) о своих объектах, тогда как символы заставляют его воспринимать свои объекты» [4, с. 58].

по мнению Лангер, является еще одним подтверждением символической природы мышления и его непосредственной связи с символом.

Различие способов функционирования знака и символа, обуславливает их фундаментальную дифференциацию, проявляющуюся в их отношении к субъекту. При восприятии пары явлений, у субъекта устанавливаются отношения к каждому элементу по отдельности: один из них он наделяет функцией знака, другой – объекта и совершает действие, согласное с содержанием, заложенным в знаке. В отличие от последнего, символ не просто передает информацию, или указывает на какой-либо объект, побуждая субъект к соответствующему знаковой ситуации действию, но передает некое понятие. Понятие, которое в «Философии в новом ключе» определяется как полное множество адекватных представлений («все адекватные представления» [4, с. 67]), непосредственно обращается к представлению личностному. Этот переход от понятия к индивидуальному представлению осуществляется благодаря способности человека к абстрактному мышлению. Фактически, именно это различие лежит в основе того определения, которые у Сьюзен Лангер получают обсуждаемые здесь явления: «Знак – это нечто, в согласии с чем совершается действие, или некое средство для обозначения действия; а символ – это орудие мысли» [4, с. 59].

Следует обратить внимание еще на один момент, а именно на описание содержания понятия. «Понятие, – говорит Лангер – это все, что реально передает некий смысл» [4, с. 67]. Из ключевых терминов концепции Лангер с понятием связан только символ, следовательно знаку отказано в обладании смыслом, за ним закрепляется функция, близкая к симптому, предполагающая только соответствующее действие, как необходимую реакцию на знак. Правда, Лангер не уточняет каков характер этих действий. Но общий ход ее рассуждений и аргументация не оставляет особых сомнений в том, что действия или усилия, направленные на понимание и / или интерпретацию связаны прежде всего с функционированием и восприятием символа, как вместилищем смысла. Это достаточно радикальное суждение Лангер, как и некоторые другие положения ее концепции, мы оставим здесь без комментариев, обратив лишь внимание на такое положение вещей.

В анализе особенностей функционирования символа Лангер обращается к вербальному языку, как к одному из наиболее доступных и естественных форм символизации. Согласно Лангер именно слово, отсылающее к понятию, является самым непосредственным примером поведения, характерного для символического мышления. Кроме этого, его естественная доступность, достаточность, его «посредничество» в концептуальной деятельности, наделяет слово безусловным преимуществом, в отношении других символов. Наблюдения над способом функционирования слов в их символическом аспекте, позволяет Лангер сделать выводы, имеющие принципиальное значения для понимания внутренней природы символа как такового. В свою очередь, это дает возможность рассматривать если не в новом ключе, то в любом случае, с отличаю-

щейся от традиционной позиции те формы деятельности человека, смысловая ценность которых ограничивалась, преимущественно их эмоциональным содержанием.

Продолжая идею неокантианцев о символическом характере познания, в своих рассуждениях Лангер отталкивается от дискурсивного характера языка, опосредованного и определенного его символической природой и функцией. Только то, что может быть выражено в дискурсивной форме может стать содержанием языка а следовательно, и частью знания, которым обладает человек: «... ничто из того, что нельзя «спросцировать» в дискурсивную форму, недоступно человеческому уму вообще, и любая попытка понять что-либо без доказуемого факта является бессмысленной амбицией. Знание является четко очерченной областью, подчиняющейся требованию дискурсивной просцируемости. Вне этой области есть невыразимое царство чувств, бесформенных желаний и потребностей, непосредственного опыта всегда непознаваемого и непередаваемого» [4, с. 79].

Дискурсивный характер языка предполагает опосредованность выражения информации, обязательное несовпадение языковых форм и понятий, получающих свое вербальное выражение: «Структура не может включать как часть символа что-либо такое, что должно быть частью значения» [4, с. 75]. Очевидно, это обстоятельство объясняет наличие, условно скажем, разрыва между символом и спектром значений понятия, которое он подразумевает. Преодоление этого расстояния требует особого усилия. На значимость и специфику такой установки в своей концепции структуры слова обращал внимание Густав Шпет. Он говорит о необходимости специального «смыслового усилия», позволяющего «уразуметь» понятие, подразумеваемое словом [5, с. 234]. Как представляется, таким «смысловым усилием» является интерпретирующее действие, соединяющее слово и понятие и преодолевающее расстояние, существующее между ними. Здесь, в промежутке между значащим и означаемым, имеет место такой процесс понимания, который направлен на выявлении самой «сути дела», на понимание истины, выраженной в понятии и которая по указанию символа «встречается, становится зримой, схватывается» [6, с. 14].

Во многом принимая и продолжая позицию аналитической традиции, Лангер все же расходится с ними в одном принципиальном моменте, позволяющем ей существенно расширить область, к которой применима категория символического мышления. Несколько забегаю вперед, отметим, что ее позиция в последующем имеет принципиальное значение для понимания функции искусства и культуры в целом, а также раскрывает новые возможности в аналитических подходах к художественному творчеству, как к органичной части познавательного процесса.

Точкой расхождения для Лангер стало восприятие всего того, что находится «по ту сторону» логического, того, что Витгенштейн, идеи которого Лангер во многом продолжает, называл «не-сказанным», а Рассел и Карнап, безусловные для нее авторитеты,

рассматривают как сферу субъективного опыта, из которого нам доступны «только симптомы в форме метафизических и художественных фантазий» [4, с. 79]. В этом вопросе Лангер занимает противоположную им позицию: «...существует неисследованная возможность подлинной семантики за пределами дискурсивного языка» [4, с. 79], утверждает она. Вся широкая область художественной деятельности, фактически, любая форма деятельности, способ выражения которой обусловлен метафоричностью, также является результатом познавательного процесса: «Здесь мы имеем дело с символикой, и то, что она выражает, часто является высокоинтеллектуальным. Только форма и функция подобной символики не такие, которые были исследованы логиками в рубрике «языка» [4, с. 80].

Это утверждение, достаточно радикальное для логико-позитивистского образа мышления, в концепции Лангер органично вырастает из базового тезиса ее исследования – утверждения символической природы мышления. Слово не является единственным средством выражения, а область семантики не ограничивается областью словесного языка. Она актуальна также и для других – не дискурсивных моделей выражения, которые, согласно Лангер, имеют особую символическую структуру, отличную от дискурсивного языка. Символическая структура не дискурсивных форм выражения основана на опосредованном представлении объекта, видение которого окрашено индивидуальным восприятием. Представляемый здесь уникальный объект не является данным фактично, он является формой, сконструированной чувственным и разумным органом, «формой, которая одновременно и переживаемое индивидуум явление, и символ для обозначения понятия этого вида явления» [4, с. 86]. Суть символов, составляющих такую, не дискурсивную систему, заключается в их способности участвовать «в одновременном интегральном представлении» [4, с. 88]. Выражая это их свойство и обозначая их специфику, в противоположность понятию «дискурсивная символика», Лангер вводит термин символики «презентативной».

Неповторимая индивидуальность объекта, связанного с презентативным символом, становится для Лангер основанием, усматривать его сущностную взаимосвязь с образом и оценивать последний как основу возникновения не дискурсивной символики. Образ является способом обозначения вещей. Но в отличие от знака, он есть «собственный продукт человека», а ничем не опосредованная копия актуального опыта. В этом отношении образ обладает некоторыми характеристиками презентативных символов, и «генезис» образа, как преломленного опыта соприкосновения с действительностью, дает этому основание. Развитие презентативной

¹ Здесь не лишним будет напомнить, что соотношение образа и символа является принципиальным для понимания символа также и в концепции С. С. Аверинцева: «Символ есть образ, взятый в аспекте своей знаковости ... он есть знак, наделенный всей органичностью мифа и неисчерпаемой многозначностью образа» [1, с. 156].

символики Лангер выстраивает «от кратковременного, простого, статистического образа, представляющего элементарное понятие, до все больших единиц последовательных образов, имеющих отношение друг к другу» [4, с. 79]. А тенденция к метафоричности есть, согласно ее концепции, «гарантией» функции образа, родственной символической. С такой позиции образ является основой символа, основой, из которого символы формируются.

Фактически, образ, в концепции Лангер, является более простым «образованием» человеческого мышления, в котором фиксируются знания и представления об окружающем мире. Внутренняя природа образа динамична, и если следовать логике исследовательницы, постоянное «приращивание» содержания в образе в некоторый момент приводит к качественному изменению и образ переходит в статус символа. В теории Лангер это динамическое движение также может иметь и обратную направленность, при которой символы выхолащиваются до уровня знака¹.

Концепция символа, представленная Сьюзен Лангер, дает возможность в значительно расширенном аспекте рассматривать познавательную деятельность человека. Очевидно, именно эта цель лежала в основании ее исследования. Попутно, как бы на втором плане, в ее теории намечены несколько логических линий или типов соотношений знаков и значений, или вернее сказать, означаемого и означающего, которые, при более детальном анализе ее работ, возможно, могли бы быть соотнесены с различными формами человеческой деятельности. Наиболее простым, базовым является непосредственное соотношение знака со значением через избираемый умственный процесс. В существенных элементах, отличается от него принцип соотношения символов с понятиями и понятий с предметами, которые определяют отношения между указующим названием и самим предметом. Его усложненным вариантом представляется соотношение сложных символов (у Лангер – «тицательно сформированные символы» [4, с. 70]) и аналогий в опыте, интерпретации и мысли. Наиболее сложной в этой последовательности является система символов, выражающих знание о жизни человека, образуемая символами и их значениями: «По сути дела, существуют отношения, которые мы используем при плетении внутренней сети значения, являющейся действительной тканью человеческой жизни» [4, с. 72].

Утверждая наличие и значимость недискурсивного мышления, Сьюзен Лангер формулирует принципы дальнейшего развития теории познания, в орбиту которого вовлекаются те формы человеческой деятельности, которые, будучи «метафорическими» и «иррациональными», считались принципиально непостижимыми, и закреплялись традиционно за интуитивной, психологической или чувст-

¹ Такое изменение, как четкую тенденцию Лангер отмечает и связывает с наступлением эпохи рационализма, оказываясь в этом вопросе созвучной другим исследователям (смотри, напр., [2]).

ванной сферам. В этом ее идеи являются созвучными позиции других философов, в частности, в области герменевтики, так же рассматривающих «искусство как вид знания»¹. Однако Лангер приводит к такому положению вещей, двигаясь по иному пути, исток которого – символическая природа человеческого мышления.

Библиографические ссылки

1. Аверинцев С. С. София-Логос. Словарь / С. С. Аверинцев. – К. : Дух і Літера, 2001.
2. Калер Э. Выход из лабиринта / Э. Калер // Избранное: Выход из лабиринта. – М. : РОССПЭН, 2008. – С. 141–309
3. Кассирер Э. Философия символических форм. Язык : в 3 т. / Э. Кассирер. – М.-СПб. : Университетская книга, 2002. – Т. 1. – 271 с.
4. Лангер С. Философия в новом ключе / С. Лангер. – М. : Республика, 2000. – 326 с.
5. Шпет Г. Эстетические фрагменты / Г. Шпет // Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. – М. : РОССПЭН, 2007. – С. 173–323.
6. Heidegger M. *Ontologie (Hermeneutik der Faktizität)* / M. Heidegger // Gesamtausgabe, Bd. 63. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1988. – 118 S.

Надійшла до редколегії 31.01.11

УДК 14(091)

Е. В. Кузьменко

Национальная металлургическая академия Украины

ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ ПРИНЦИПОВ ДИДАКТИКИ В. В. РОЗАНОВА

Висвітлюються засадничі положення філософії освіти російського мислителя В. В. Розанова.

Ключові слова: філософія освіти, дидактична система, принципи загальної дидактики, антропологічні установки.

Освещаются основоположения философии образования российского мыслителя В. В. Розанова.

Ключевые слова: философия образования, дидактическая система, принципы общей дидактики, антропологические установки.

¹ В данном случае используется название работы Г. Шпета «Искусство как вид знания».